

рому он приписывает введение в древнюю русскую литературу нового элемента «художественной фикции». В этом свете рассмотрены, например, писания Пересветова о последнем периоде истории Византийской империи и идеализированное изложение истории Мохаммеда II Завоевателя, отмечена защита им самодержавия («Царство без грозы — конь без узды»). Кратко изложена деятельность и взгляды митрополита Даниила, который стоял во главе русской церкви с 1522 до 1539 г. В качестве параллели к итальянским сочинениям типа «Князя» Николо Макнавелли и «Кортеджано» Бальтазара Кастильоне Пиккио в русской литературе той эпохи указывает «Домострой» протопопа Сильвестра, в котором чувствуется, между прочим, «простота языка и отказ от церковнославянской стилистической традиции». Когда идет речь о следах влияния византийской литературы на это произведение, по моему мнению, следовало бы воспользоваться результатами полезного исследования русского византолога С. Шестакова, который с полным основанием проводит параллель между «Домостроем» и известным сочинением византийского писателя XI в. Кекавмена.²⁰ Несколько слов сказано далее о «Стоглаве» 1551 г., о так называемых азбуковниках и о деятельности русского первопечатника Ивана Федорова, отмеченного также и в качестве писателя.²¹

В параграфе, носящем заглавие «Императорская риторика», вслед за коротким упоминанием о Хронографе 1512 г. рассматриваются литературная деятельность митрополита Макария (1482—1563), затем «Книга степенная царского родословия», «Казанская история» и, наконец, «Сказание о киевских богатырях». Автор использует последние советские работы, посвященные этим литературным памятникам, и дает хорошие общие сведения. Разумеется, кое-где могли бы быть указаны еще кое-какие интересные данные. Так, не было бы излишним сказать что-либо о таком переводном памятнике той эпохи как «Рыдание» Иоанна Евгеника, повествующем о захвате Царьграда турками в 1453 г., которое было переведено еще в начале второй половины XV в., распространено в достаточно большом количестве списков²² и, вне всякого сомнения, оказало известное влияние на некоторые произведения оригинальной русской литературы того времени. Несколько раз в процессе изложения автор упоминает легенду о родстве тогдашних московских правителей с римским императором Августиним. При анализе этой идеи, которая использовалась как одно из идеологических оснований для утверждения самодержавия, также можно было бы привлечь результаты некоторых интересных исследований, которые, по-видимому, оставались неизвестными автору.²³

В главе под названием «Великая оборона» Пиккио отводит прежде всего несколько страниц общим политическим событиям XVI в. По его словам, этот век, вместо того чтобы быть концом средневековья, которое начинается Киевом и продолжается Москвой, открывает время «продолжительного кризиса», длившегося в течение всего XVII в. вплоть до преоб-

²⁰ См.: С. Шестаков. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра. — Византийский временник, т. VIII. М., 1901, стр. 38—63.

²¹ В связи с 375-летием со дня смерти Ивана Федорова был издан объемистый сборник «У истоков русского книгопечатания» (Изд. АН СССР, М., 1959), который внес значительный вклад в исследование вопроса о начале русского книгопечатания и деятельности Ивана Федорова.

²² См. указания на это у Н. А. Мещерского: «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод. — Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 72—86.

²³ Так, см., например: E. v. I v a n k a. Rurik und die Brüder des Augustus. — *Orientalia christiana periodica*, t. XVIII. Roma, 1952, стр. 393—396. Автор статьи, однако, не использовал чрезвычайно ценные в этом отношении свидетельства, содержащиеся в посланиях Ивана Грозного.